

Спор поколений: вместе и врозь.

Б.Екимов «Про чужбину»

ПРО ЧУЖБИНУ

Из этого текста можно взять аргументы:

1. К проблеме развала российской деревни.

2. Любовь к Родине. Все слушали Васю, даже адрес записывали, но никто не поехал за ним: хлеб надо сеять, детей поднимать.

3. Стремление человека жить за счет других, пусть в немецкой тюрьме, но на "легких хлебах".

4. Отношение к матери...

В конце декабря объявился на хуторе Вася Колун. Он всегда старался подгадать к празднику: Рождество ли, масленица, Пасха, Троица, когда сам Бог велит погулять. Околачивался Вася в последние годы в райцентре да в городе: шоферил, чем-то торговал (не от себя, конечно), машины ремонтировал. Словом, на все руки. Как, впрочем, и многие нынче. Колхозам — конец. В городах заводы стоят. Вот люди и применяются. Тем более молодые.

А Васе Колуну — лет тридцать. Разведенный. Сам себе голова. Где-то мыкается; порой к матери приезжает. Поживет — и снова нет его. Бывает и при деньгах, шикает. А чаще материнский заглазничник проверяет да отъедается на деревенских харчах.

Нынче Вася под Новый год подгадал. Как раз приморозило, снег выпал. Он и объявился. Придет: новая зеленая куртка-пуховик, такая же шапка с козырьком и наушниками, высокие ботинки со шнурками. А морда, словно у кота, круглая. Сразу видно: не голодал.

Автобус из райцентра останавливался возле бригадной мастерской и гаража. Там вечно люди толклись. Васю Колуна сразу углядели. Да он и сам подошел, поздоровался с земляками.

— Откуда, Васек? — спросили его. — Морду наел. Либо с курортов?

— Из тюрьмы.

Шутку поняли.

— Подскажи адрес. Мы тоже туда. Всем кагалом.

— Кагалом не советую. Получится групповая, — предупредил Вася, но адрес дал: — Шварценпумпе.

— Это где ж такое? — опешили.

— Федеративная Республика Германия.

Народ смолк. Вроде шутит мужик. Но вид не шутейный. Из сумки поллитру достает. Значит, с прибытием, как положено.

Разлили. Выпили. Кое-что прояснилось. Оказывается, наняли Василия какие-то чечены ли, грузины перегонять машины из Германии к нам. На самолете — туда. Там дают машину. Гони. В Белоруссии забирают. Три штуки он пригнал. На четвертой немцы тормознули на границе. В компьютере его имя. Плати штраф, триста марок. За что, не понял. Да и денег нет. Дали два месяца

тюрьмы. Отсидел в этом самом Шварценпумпе.

Это — прояснилось. Поверили в тюрьму. Дело житейское. На ком греха нет! Кое-кто сутки сидел, а кое-кто и побольше. Тут у себя никому ничего не докажешь, а там — и вовсе. Тем более с чеченами связался.

Словом, поверили. И в Германию, и в тюрьму. Но вот дальше Колун такое понес, что пришлось его останавливать.

— Телевизор, — говорит, — в камере. Цветной, одиннадцать программ показывает. Гляди хоть круглые сутки. Камеры на двоих, на троих. В каждой — туалет, душ с горячей водой.

— Хорош, — сказали ему. — Вася, ты поплыл. Иди к маме и отсыпайся. Брехунов в округе хватало. Но не таких. Тем более когда о тюрьме поет. Чего-чего, а про тюрьму на хуторе знали не понаслышке. Костя Шамин три года отсидел за родную тещу. Иван Быков, как говорили, за любовь к сложной бытовой технике. Три холодильника из Дома быта упер, в райцентре. Николай Мазаев отсидел восемь лет. “За дело”, — коротко отвечал он любопытным.

Так что про тюрьму, про зону, про тамошние порядки кое-что знали. И конечно, лапшу на уши вешать не позволили.

Цветной телевизор... На двоих камера... Горячая вода, туалет...

Как говорится, брехать брещи, но знай меру. Хутор, конечно, хутором, но не такие уж тут дуболомы живут. Кое-что понимают.

Словом, направили Васю домой. Проспись, парень, а потом приходи. Гостям всегда рады, особенно если с бутылкой.

Прогнать-то человека прогнали, и он ушел. Нормально. И не качался. Значит, не больно пьяный. И после его ухода появились кое-какие сомнения:

— Все же — граница... Капитализм... Придуряются. По телевизору глянешь...

— По телевизору чего хочешь можно показать. Пропаганда! Они ведь ныне нас туда агитируют. В свою веру. Вот и стараются!

— Карахтинцев из Вихляевки ездил с женой, к ее родне, в Германию. Тоже рассказывают...

И тут неожиданно взорвался Николай Мазаев.

— Все это — лажа, тухта! — кричал он. — Фуфляк! Полощет мозги!

Простыночки! Телевизор! Я от и до прошел, от звонка до звонка. И пересылку, и “крытку”, и зону! Всего навидался, нанюхался, накушался! Парк культуры и отдыха! Да там гнобят хуже нашего. Потому что там — порядок, а не кильдим. Там все полицейские — амбалы, рост не ниже ста восьмидесяти. Будут они с тобой цацкаться. Там — дисциплина!

Обычно мужик неговорливый, Николай аж трясся — видно, задело его. Еле успокоился, напоследок твердо сказав:

— После работы идем к Васе. Пусть попойет, салажонок. И я его расколю.

Отцом-матерью клянусь, я его выведу на чистую воду.

С того дня и пошло и поехало. На хуторе — разговоры лишь про тюрьму немецкую. А Николая Мазаева пришлось потом в больницу везти. У него язва открылась. Видно, от нервов.

Всю неделю Васю Колуна по хутору из дома в дом таскали. Всем интересно послушать, хоть и не верилось, потому что похоже на сказку.

— Камеры есть на двоих, на одного, на четверых. Мы жили двое. Туалет, умывальник, душевая, горячая вода круглые сутки...

— Вот дают! А у нас баню закрыли, и, видать, насовсем.

— Правда, туалет и душ — совмещенные.

— Это как? На всех вместе, в коридоре?

— В каждой камере. Но унитаза и душ в одной комнате. И в каждой камере — цветной телевизор. Одиннадцать программ показывает.

— Сколько?!

— Одиннадцать.

— Обнаглели... — вздыхал кто-то. — Тюрьма называется.

— Хочешь — мультики смотри. Отдельная программа. Хочешь — футбол, хоккей, другой спорт. И детективы, там все понятно: бух-бах! Хоть круглые сутки гляди, не запрещается. Так же в каждой камере — холодильник.

— А чего там холодит? — интересовались.

— Как чего... В магазине чего купил. Магазин каждый день работает. И выбор не то что в сельпо. Чего нет, заказываешь, назавтра привезут как штык.

Для этих бесед, для расспросов — в том ли, другом доме — обычно устраивались на кухне. Бутылка-другая на столе, закуска: квашеная капуста, соленые огурцы да помидоры, холодец, сало. Выпьют и слушают. А курить мужики выходили на волю. Иначе надымят — крыша поднимется.

— Днем все камеры — настежь. Ходи гуляй по этому, по другим этажам.

Хочешь, иди в спортзал, тренируйся. Там — оборудование: штанги, гантели, тренажеры. Дорожка такая, как транспортер. Бежишь, бежишь, а все вроде на месте. Велосипеды. Теннис настольный. Не хочешь спорт, иди в библиотеку. Книжки — на всех языках. И на русском есть, я брал.

— А вас там много ли русских-то было?

— Один я. С Украины — полно, с Румынии, поляков много, чеченов, азербайджанцев. А из России — я один.

Вася сидел у стола — за почетного гостя: круглолицый, спокойный.

Понемногу выпивал. Закусывал холодцом и говорил:

— Вот холодца там нет. Чего нет, того нет. А остальной жратвы — от пуза.

Утром обязательно йогурт.

— Чего-чего?..

— Йогурт. Вроде кислое молоко, но сладкое, с фруктовыми добавками.

— Ох и брешет... — негромко, но явственно сквозь зубы цедил Николай Мазаев. Он по всем хатам за Васей Колуном таскался, пытаясь разоблачить.

— На завтрак — йогурт, — спокойно продолжал Вася. — Колбаса, сыр, кофе, само собой, хлеб.

— У-ух и брешет... — шептал Мазаев.

Вслух говорить он уже не решался, боялся, что прогонят, как в первый вечер, когда он устроил скандал. Вывели его тогда мужики и домой отправили.

— Все это — без нормы, от пуза. В обед — густой такой суп дают, суп-пюре.

Гороховый, овощной, вроде нашего борща. Потом — мясное с гарниром и фрукты.

— А шампанского не было? — не выдерживал Мазаев.

— Танцы были. Несколько раз. Под оркестр. Мужиков и баб вместе выпускали. Танцевали. И тогда давали вино и пиво.

— Ну ты же брешешь?! Какие еще в тюрьме танцы!! — не мог сдержаться Мазаев.

— Николай! — предупреждали его. — Иди покури.

Мазаев послушно выходил. И уже там, в коридоре ли, во дворе, кому-нибудь из мужиков доказывал яростно:

— Ведь явно он брешет! Я — лично, от звонка до звонка... И в показательные лагеря попадал, есть такие, туда иностранцев возят. Но там... Не дом отдыха! И не детский сад! Та же пайка! Он брешет!

Худой, морщинистый, Николай кидался то к одному, то к другому. Глаза его аж горели.

— Ну и пусть брешет, — успокаивали его. — А может, и правда.

Капитализм...

— Там — еще хуже нашего! Там — полиция! Все — амбалы!! Брешет он... А вот другие верили. И удивлялись. Особенно бабы. Да и как не удивишься!

— Если не работаешь, то все равно дают пятьдесят марок в месяц на карманные расходы. Хватает... А если работаешь, то триста марок — это самая маленькая зарплата, меньше не бывает. Это когда ходишь двор убирать. Работают в саду, в теплице, у кроликов, в прачечной, в мастерских. И пятьсот, и семьсот марок можно получить.

— А если по-нашему — это сколь?

— Ну, считай... Марка — это десять или двенадцать рублей. А сейчас и больше. Пятьсот — значит, более пяти тысяч, шесть ли, семь.

— Новыми?

— Ну а какими же?

— Шесть миллионов старыми?

— Да.

— За месяц?

— Конечно.

— Да за такие деньги двух дойных коров можно купить!

— Быка два года кормишь, а за него и полторы не дадут.

Поднимается шум и крик. Потому что такие деньги... Каких не видали. По двести, по триста рублей получка, да и та — лишь в уме: пишут в конторе ведомости, а денег какой уже год не дают.

— Брешет, гад! — теряя голос, сипел Николай Мазаев. — Я за уборку, за полтора месяца... С комбайна не слезал... День и ночь... Полторы... И тех не дали... Брешет! — И, не выдерживая, выскакивал на улицу, на мороз, чтобы остудить голову.

Вася Колун спокойно этот гвалт переживал. Не торопясь выпивал стаканчик, закусывал холодцом, окисляя его помидорным рассолом, хвалил:

— А вот холодца там нет. Чего нет, того нет.

Когда народ успокаивался, плыли дальше:

— Мыло, шампунь, зубные щетки, паста, бритвы и прочее — все это бесплатно дают. В ихней одежде ходишь. Белье меняют, постельное, нижнее, полотенца хоть каждый день. По коридору ездит телега, шумят: “Кому в стирку!” Кидаешь туда грязное, а чистое выдают.

— Это — жизнь... — завидовал кто-то. — Курорты. Попасть бы туда...

— Пожалуйста, — сообщил Вася. — Поезжай в Берлин, там станция ЦО, прямо в городе. Обойдешь станцию, там — контора. Дают адреса бесплатных ночлежек. И там народ ушлый, объяснят, как попасть.

— А чего, надо податься!

Так и проходил вечер: Вася рассказывал, его слушали. Кто верил, а кто сомневался. Порою шумно спорили, прикладывая к своей жизни. Николай Мазаев обычно до конца не выдерживал, уходил, бросив напоследок: “Брешет Колун!” Но назавтра — как штык! — он снова прибывал Васины байки слушать. Теперь уже в другом доме.

Зима. Вечера длинные. Бабы платки вяжут. А послушать интересно. Чужая жизнь. Тем более не телевизор, а живой человек.

Бутылку-другую на стол. Соленья, холодец, домашнее сало. Вася Колун — на почетном месте. И пошло-поехало:

— В камере — холодильник, цветной телевизор, шкафы для одежды, тумбочки, стол...

Сегодня в одном доме эта песня, завтра в другой зовут.

Васю Колуна дома ругала мать:

— Не ходил бы по людям, не позорился. Весь хутор гутарит...

— Чего? — не понимал ее Вася.

— Ославят... А ты еще молодой, тебе жить. А об тебе все... Доездили. Сроду в нашей родне никого не судили.

— А-а... — отмахивался Вася.

Мать ничего не понимала, и втолковывать ей было бесполезно.

Вася, как всегда, пожил на хуторе пару недель, дождался, когда мать пенсию получит, и уехал. Видели, как он к автобусу шел: в зеленой теплой куртке и кепке с ушами, высокие ботинки — все ненашенское.

Он уехал, понемногу стали забывать и о нем, и о тюрьме немецкой. Жизнь нынче непростая: в колхозе все валится, зарплаты нет, запчастей, горючего для техники купить не на что. А отремонтировать трактора все равно надо.

Весна придет, никуда не денется. Сеять надо, да еще сколько с осени непаханого осталось.

Бригадир с утра ездил в контору, оттуда приезжал злой, кричал:

— Чего ждете?! Делайте своими силами!!

— Как делать?! Ты видишь или нет?!

Начиналась ругня. Потом бригадир говорил со вздохом:

— Либо нам кинуть все, забрать семьи и уехать... в эту, где Колун сидел... С теплым унитазом. У кого адрес? А? Он же говорил. Кто записал?

Оказывается, никто не записал.

— Ну, тогда вперед и с песней. Слезы нам никто не утрет. И кормить нас

никто не будет. И нечего ждать. Время ждать не указывает.
Время и впрямь понемногу тянуло к весне. Январю, считай, конец. Февраль остался. Надо успеть. Потом как пойдет одно за другим: бороновать, сеять, пахать... И пошло-поехало. До белых мух.
Стоял конец января. Мороз. Снегу навалило. А днем солнце пригреет — и кое-где начинает с крыш капать, сосульки растут: кап-кап... Кап-кап... Ясно так. Синицы порой пробуют голос: дзень-дзень! А ребяташки из школы выйдут, на весь хутор детские голоса звенят. Это — знак. Дело к весне.